

УДК 342.92

А.А. Бильдейко

начальник отдела прокуратуры Брестской области
по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов
e-mail: alexfun@tut.by

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МЕЛКОГО ХУЛИГАНСТВА И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА

Складывающаяся в настоящее время правоприменительная практика не единообразна, поэтому допускаются ошибки в квалификации. На основании исследования научной литературы, материалов судебной практики предложены критерии, по которым следует ограничивать правонарушения, предусмотренные статьей 17.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, от насильственных действий, совершенных в отношении близкого родственника либо члена семьи, а также оскорбления. Различия проводятся по объекту, объективной и субъективной сторонам правонарушения. Применение предложенных рекомендаций практическими работниками будет способствовать правильной квалификации действий правонарушителей, защите законных прав и интересов потерпевших.

Введение

Целью любого государства является защита граждан от противоправных посягательств. Существуют определенные сферы, где государство наказывает лицо, совершившее правонарушение, независимо от мнения пострадавшего, и сферы, где механизм привлечения к ответственности виновного лица запускается по инициативе потерпевшего. Традиционно административные правонарушения, посягающие на общественный порядок, относятся к первому виду, а посягающие на здоровье человека, его честь и достоинство, – ко второму виду. Задачей правоохранительной системы является разграничение указанных видов нарушений с целью как поддержания спокойствия и порядка на территории страны, обеспечения защиты всех членов общества от насилия и других противоправных посягательств, с одной стороны, так и недопущения вмешательства в личную жизнь конкретного гражданина, отказывающегося в определенных законодательством случаях от государственной защиты своих нарушенных прав, – с другой.

Целью исследования является выработка критериев разграничения мелкого хулиганства, определенного ст. 17.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), и других административных правонарушений, предусмотренных гл. 9 КоАП, на основе анализа практики их применения.

Результаты исследования будут способствовать пониманию и обоснованному применению в административной практике правовых норм, регламентирующих основания включения механизма применения мер административно-правового принуждения в случаях, когда правонарушения, внешне сходные с посягательствами на здоровье, честь и достоинство человека, связаны с нарушением общественного порядка.

Особое практическое значение имеет научное обоснование решения проблемы отграничения ст. 17.1 КоАП от двух административных правонарушений против здоровья, чести и достоинства человека, так как в большинстве случаев именно с такой проблемой сталкиваются сотрудники органов внутренних дел и судьи в практической деятельности:

- 1) насильственные действия, совершенные в отношении близкого родственника либо члена семьи (ч. 2 ст. 9.1 КоАП);
- 2) оскорбление (ст. 9.3 КоАП).

Следует отметить, что современной белорусской наукой не выработаны четкие критерии разграничения этих правонарушений. Более того, ч. 2 ст. 9.1 КоАП является новеллой нашего законодательства, и ее применение на начальном этапе вызвало значительные трудности. Остановимся на каждой проблеме в отдельности.

Разграничение правонарушений, предусмотренных ст. 17.1 «Мелкое хулиганство», и ч. 2 ст. 9.1 КоАП (насильственные действия, совершенные в отношении близкого родственника либо члена семьи)

С советских времен до августа 2013 г. борьба с так называемым «квартирным» мелким хулиганством в Республике Беларусь была существенно осложнена. Зачастую домашние беспричинные скандалы, проявления явного неуважения к родным и близким суды не признавали мелким хулиганством по причине отсутствия обязательного признака состава этого правонарушения – нарушения общественного порядка [1, с. 35]. Отмечалось, что частное обвинение ввиду достаточно сложных материально-правовых и процессуальных особенностей подменялось квалификацией интимных и узко личностных конфликтов как хулиганских действий, а это является упрощенчеством, создающим видимость «усиления» борьбы с мелким хулиганством за счет реального ослабления законности [2, с. 8].

В связи с наличием в практической деятельности подобных проблем еще более полувека назад в литературе указывалось, что «квартирные» хулиганы не могут быть «мельче» мелких хулиганов, звучали призывы пресечь всякую возможность отравлять жизнь людям. Квартира не должна быть «заповедным местом», на котором произрастает мелкое хулиганство [3, с. 82–83].

В большинстве случаев суды соглашались с таким подходом. Представителям иной точки зрения, согласно которой жилище (квартира) не является общественным местом и местом, где должен поддерживаться общественный порядок (соответственно, здесь не может быть совершено мелкое хулиганство), предлагалось рекомендовать работникам органов внутренних дел и судьям, как вести борьбу с т.н. квартирным мелким хулиганством или как по-иному квалифицировать эти действия [4, с. 142]. По этой причине даже в научных трудах в тех случаях, когда совершение мелкого хулиганства сопровождалось оскорблением, т.е. преступлениями (правонарушениями), дела по которым возбуждаются только по жалобе потерпевших, предлагалось привлечение к административной ответственности за мелкое хулиганство, если соответствующие жалобы не были поданы. Иное решение вопроса привело бы к полной безнаказанности мелких хулиганов, совершивших посягательство на личность [5, с. 33]. Такая точка зрения была достаточно распространена в научной литературе [6, с. 329–330; 7, с. 69; 8, с. 99].

На несовершенство такой позиции указывали высшие судебные инстанции. Свою позицию по данному вопросу высказал и Верховный Суд Республики Беларусь. Так, постановлением судьи суда Московского района г. Бреста от 16.12.1997 г. Б. привлечен к административной ответственности за совершение мелкого хулиганства, выразившегося в том, что в вечернее время по месту своего жительства устроил скандал с бывшей женой Б-е, выражался нецензурной бранью, мешал отдыху соседей, нарушил спокойствие граждан. Вместе с тем из материалов дела усматривалось, что Б. и Б-е – бывшие супруги, между которыми сложились неприязненные отношения. В один из дней между ними произошел очередной скандал, во время которого Б. оскорбил Б-е, выражаясь нецензурно. Однако указанные действия Б. совершил не в общественном месте, а в своей квартире, где кроме бывшей жены других посторонних граждан не было. В материалах дела отсутствовали какие-либо объективные данные о том, что своими действиями Б. нарушил общественный порядок и спокойствие граждан. Судом не установлено, какие конкретно действия совершил Б., которые Б-е расценены как вызываю-

щие и наглые. Не конкретизировала она их и при даче объяснений участковому инспектору. Более того, в своем заявлении на имя начальника отдела внутренних дел Б-е указала, что скандал Б. устроил на бытовой почве. При таких обстоятельствах Председатель Верховного Суда Республики Беларусь признал вывод судьи о том, что своими действиями Б. мешал отдыху соседей, чем нарушил спокойствие граждан, не основан на материалах дела. Дело было прекращено за отсутствием в деяниях Б. состава административного правонарушения [9].

Таким образом, получалось, что когда сотрудники органов внутренних дел составляли протоколы об административных правонарушениях по фактам мелкого хулиганства (сейчас ст. 17.1 КоАП) с целью воздействия на семейных скандалистов и дебоширов, то суды зачастую дела об административных правонарушениях прекращали по основаниям, приведенным выше.

С целью устранения указанной проблемы и совершенствования борьбы с насилием в семье 28.08.2013 г. КоАП был дополнен ч. 2 ст. 9.1 (нанесение побоев, не повлекших причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенное в отношении близкого родственника либо члена семьи). Таким образом, сотрудники органов внутренних дел получили серьезный инструмент борьбы с семейным насилием.

Однако на практике стали возникать определенные сложности. Связаны они с тем, что в соответствии с п. 1 ст. 4.5 КоАП административный процесс по ч. 2 ст. 9.1 КоАП не может быть начат без требования потерпевшего или его законного представителя. Правом составления протокола об административном правонарушении при отсутствии такого требования на основании ч. 1 ст. 9.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИККоАП) наделен только прокурор. Зачастую после вызова сотрудников милиции для пресечения семейного дебоширства, когда инициатор конфликта уже успокоился, потерпевшие отказываются подавать заявление о привлечении его к административной ответственности по ч. 2 ст. 9.1 КоАП. Но не единичны случаи, когда из анализа ситуации и личности нарушителя усматривается, что непринятие мер воздействия к нему будет способствовать безнаказанности и может повлечь более агрессивные действия против домочадцев. В таких ситуациях некоторые участковые инспекторы милиции идут по пути «наименьшего сопротивления»: вместо передачи материалов прокурору для начала административного процесса в отношении правонарушителя по ч. 2 ст. 9.1 КоАП на месте либо после доставления семейного дебошира в отдел внутренних дел составляется протокол об административном правонарушении по ст. 17.1 КоАП.

С 28.08.2013 г., т.е. появления в КоАП ч. 2 ст. 9.1, суды стали более принципиально подходить к рассмотрению дел об административных правонарушениях данной категории. Однако с 13.02.2014 г. вступили в силу изменения в ч. 1 ст. 3.6 ПИККоАП, и право рассматривать дела об административных правонарушениях по ст. 17.1 КоАП предоставлено руководителям органов внутренних дел. Именно при рассмотрении указанных лицами дел об административных правонарушениях допускается наибольшее количество ошибок при разграничении правонарушений, предусмотренных ст. 17.1 и ч. 2 ст. 9.1 КоАП.

Так, постановлением начальника районного отдела внутренних дел от 19.12.2016 г. Т. привлечен к административной ответственности по ст. 17.1 КоАП за то, что, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в частном доме устроил скандал со своей сожительницей, выражался в ее адрес нецензурной бранью, хватал за руки и одежду, пытался ударить, чем «нарушил ее спокойствие». По протесту прокурора суд отменил постановление от 19.12.2016 г., так как из материалов дела следовало, что Т. совершил противоправные действия в отношении члена семьи вследствие возникшего между ними

семейного скандала, а не из хулиганских побуждений. Сведений о нарушении общественного порядка и явного неуважения к обществу не установлено. В дальнейшем за эти действия в отношении Т. прокурором составлен протокол об административном правонарушении по ч. 2 ст. 9.1 КоАП, и 17.02.2017 г. суд привлек его к ответственности [10].

Разграничение между указанными деяниями следует проводить по трем элементам состава правонарушения: **объекту, объективной и субъективной сторонам.**

Объектом правонарушения, предусмотренного ст. 17.1 КоАП, является общественный порядок, а правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 9.1 КоАП, – здоровье человека. Проблема разграничения деяний, предусмотренных ст. 17.1 КоАП, и деяний, предусмотренных гл. 9 КоАП, по объекту правонарушения раскрыта нами [11].

По объективной стороне действия, предусмотренные ч. 2 ст. 9.1 КоАП, граничат с признаком мелкого хулиганства «оскорбительное приставание к гражданам» (назойливое приставание, толкание, физическое удержание за элементы одежды, помеха закрыть дверь квартиры или автомобиля и т.д.). Действия, образующие состав побоев, и действия, характерные для указанного признака мелкого хулиганства, похожи, поскольку для их совершения необходимо приложение мускульной силы. Граница определяется пределами ее приложения. Отличие заключается в том, что побои причиняют физическую боль потерпевшему [12, с. 50; 13, с. 264].

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 9.1 КоАП, заключается в альтернативных действиях, совершенных в отношении близкого родственника либо члена семьи:

- 1) нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений;
- 2) умышленное причинение боли;
- 3) умышленное причинение физических страданий;
- 4) умышленное причинение психических страданий.

Определение вышеуказанных понятий КоАП не содержит, в связи с чем для правильного правоприменения важна степень их научной проработки.

Понятие «боль» сродни понятию «болезнь»; Это состояние, противоположное состоянию нормального (благополучного) функционирования организма, т.е. здоровью. Действительно, с медицинской точки зрения причинение физической боли может быть и незначительным, но с ухудшением здорового состояния организма. Тем самым физическая боль представляет собой вред здоровью человека в форме патологического состояния. Кроме того, возникновение болевых ощущений сопровождается рядом объективных изменений в организме, которые затрагивают самые различные функциональные системы (дыхание, кровообращение и т.д.) [14, с. 93]. Причинение боли как последствие побоев наступает неизбежно и лежит за пределами состава правонарушения. Факт нанесения множественных ударов или иных подобных действий свидетельствует о том, что последствия этого деяния в виде физической боли налицо. Установление того, испытал ли потерпевший физическую боль при побоях, не является предметом доказывания по делу. Закон в этом случае исходит из общего свойства человеческого организма, которое состоит в том, что механические удары, побои, термические ожоги и т.д. вызывают ответную реакцию нервной системы человека в виде болевого ощущения [15, с. 20].

Особых проблем при отграничении мелкого хулиганства от нанесения побоев и причинения боли не возникает. Применение насилия из хулиганских побуждений влечет уголовную ответственность по ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Гораздо более сложная ситуация при правовой оценке понятия «страдания». Данная категория считается глубоко субъективной, однако можно констатировать, что страдания – это боль, испытываемая потерпевшим, причем боль как физического, так и (или) психического характера [16, с. 15]. Таким образом, в научной литературе

понятие «страдания» раскрывается опять через боль, что не добавляет ему определенности и не упрощает задачу правоприменителям.

Физические страдания – это ощущения в виде боли, тошноты, удушья, зуда, головокружения, жжения и иных болезненных симптомов; болезненные или физиологически неприятные ощущения человеком последствий физического воздействия на его организм. Они отражаются в сознании потерпевшего и вызывают различные переживания психического характера [17, с. 235]. Следует отметить, что в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.09.2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» содержится официальное определение понятия «физические страдания». Это физическая боль, функциональное расстройство организма, изменения в эмоционально-волевой сфере, иные отклонения от обычного состояния здоровья, которые являются последствием действий (бездействия), посягающих на нематериальные блага или имущественные права гражданина.

Психические страдания – это глубокое переживание потерпевшим унижений, оскорблений, страха и иных подобных чувств [18, с. 102]. С учетом ситуативных обстоятельств проявления семейного насилия и специфики эмоционально-волевой сферы женской психики к таким страданиям возможно относить ощущения обиды, гнева, неуверенности в собственной безопасности, печали, изолированности, появление психической напряженности, стрессового состояния, общее ухудшение настроения, т.е. любые негативные психические и эмоциональные состояния, вызванные действиями семейного скандалиста [19]. К психическим страданиям относят ряд экстремальных эмоциональных состояний человека, которые носят затяжной характер: состояния эмоционального напряжения и эмоционального возбуждения, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение, длительное и сильное стрессовое состояние и пр. Характерной особенностью этих состояний является растянутость во времени, в течение которого развивается более или менее длительная психотравмирующая ситуация, обуславливающая «накопление» отрицательных эмоций у потерпевшего [20, с. 180].

Следует отметить, что среди близких людей конфликты неизбежны и практически всегда вызывают эмоциональное состояние в виде страдания. В связи с этим важное значение приобретает институт малозначительности деяния (ст. 8.2 КоАП), позволяющий предотвратить неоправданно широкое применение мер административного взыскания к сторонам семейного конфликта.

Основное разграничение правонарушений, предусмотренных ст. 17.1 и ч. 2 ст. 9.1 КоАП, необходимо проводить *по субъективной стороне*. Мелкому хулиганству присущ хулиганский мотив. Существует значительное количество его определений, поэтому выделим основные характеристики данного явления. В основе хулиганских побуждений лежит стремление в вызывающей форме проявить бесчинство, бахвальство, пьяную удаль, жестокость, показать свою «силу», «смелость» и таким образом поиздеваться над незащитными [21, с. 161], чем выразить нарочито-показное пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам общежития [22, с. 49], вызванное очевидно незначительным внешним поводом или вовсе при отсутствии такового [26, с. 133]. Эти выработанные наукой признаки использованы Верховным Судом Республики Беларусь для определения мотива хулиганства в п. 4 постановления Пленума от 24.03.2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве».

Правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 9.1 КоАП, чаще всего совершаются на почве личных неприязненных отношений к конкретному потерпевшему. Как уже отмечалось, насилие или угроза его применения из хулиганских побуждений влекут уголовную ответственность по ст. 339 УК.

Разграничение мелкого хулиганства (ст. 17.1 КоАП) и оскорбления (ст. 9.3 КоАП)

Объектом оскорбления (ст. 9.3 КоАП) являются честь и достоинство человека. Еще полтора века назад отмечалось, что понятие чести до такой степени эластичное и неопределенное, что законодательство обходит этот вопрос совершенным молчанием, полагаясь на такт и благоразумие суда [24, с. 5–6]. Не вдаваясь в дискуссию о сходстве и различии данных понятий, отметим, что «честь» предполагает оценку качеств человека, которые проявляются в его поведении, со стороны других людей и общества в целом, т.е. извне, а «достоинство» представляет собственную (внутреннюю) оценку человеком своих качеств [25, с. 179].

Оскорбление настолько близко примыкает к мелкому хулиганству, что порой крайне трудно их разграничить. При оскорблении умысел направлен на унижение человеческого достоинства; виновный преследует цель нанести обиду потерпевшему, унижить личное достоинство другого лица. При хулиганстве умысел направлен прежде всего на общественный порядок, а посягательство на личность является как бы второстепенным, сопутствующим фактором нарушения общественного порядка [26, с. 11]. Обязательным признаком объективной стороны мелкого хулиганства, когда нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождается нецензурной бранью, является место его совершения, т.е. оно должно определяться как общественное место. Для квалификации состава оскорбления место его совершения значения не имеет.

При разграничении мелкого хулиганства в виде нецензурной брани в общественных местах или оскорбительного приставания к гражданам и оскорбления следует иметь в виду, что если нецензурная брань в общественных местах была высказана в отношении конкретного лица на почве личных с ним взаимоотношений и по обстоятельствам дела не составляло одновременно оскорбительного нарушения покоя других граждан, то такое деяние не может быть признано мелким хулиганством [27, с. 14]. Обезличенная нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам, не связанное с прямым унижением их человеческого достоинства в неприличной форме, образуют состав мелкого хулиганства [28, с. 177], так как при совершении хулиганских действий субъект совершает действия, только внешне напоминающие оскорбление и унижение потерпевшего, но при этом он руководствуется хулиганскими побуждениями, стремится продемонстрировать свое неуважение к обществу в целом, а не к конкретному одному или нескольким его членам [29, с. 598–599]. Оскорбительные высказывания в адрес персонально неопределенной группы лиц, идентифицируемой признаками профессии, национальной принадлежности и т.д., состава оскорбления не образуют [30, с. 41–42]. Таким образом, цель (потребность) нецензурной брани в общественном месте в контексте мелкого хулиганства может носить лично-неприязненный характер, но обязательно должна быть сопряжена с направленностью интереса лица на нарушение (пренебрежение правилами) общественного порядка [31, с. 54].

Например, таксист Р. судом привлечен к административной ответственности за то, что по рации в форме, противоречащей общепризнанным нормам морали и нравственности, высказал в адрес потерпевшего (диспетчера) оскорбительные слова, содержащие нецензурную лексику, которые последний воспринял оскорбляющими и унижающими его достоинство. Однако вышестоящий суд пришел к выводу, что высказанные в радиоэфир Р. слова имели безадресный характер, т.е. не были указаны конкретные лица и другие обстоятельства (например, положение человека, его должность и т.д.), на основании чего можно было бы сделать безусловный вывод о том, что слова были адресованы конкретному лицу. Следовательно, действия Р. с учетом того, что эти слова были услышаны неопределенным кругом лиц, образуют признаки иного администра-

тивного правонарушения – мелкого хулиганства. Данное дело по факту оскорбления было прекращено [32].

Понятие нецензурной брани, проблемы ответственности за нецензурную форму выражения своих мыслей подробно раскрыты нами [33]. Неприличной же является форма, противоречащая общепризнанным правилам общения между людьми. Например, о человеке сказали, что он неумный, глупый, дурак. Содержание одинаково, но различны формы высказываний. Авторы одного из комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации указывают, что первые два слова не относятся к числу неприличных, а третье является таковым, ибо нельзя называть человека дураком (причем независимо от его умственных способностей). Безусловно, неприличными являются все нецензурные выражения, и для выяснения их неприличного характера не нужна экспертиза. Когда речь идет о других словах, то проблема не в том, являются ли они литературными, а в том, оскорбительны ли они для человека. Например, «козел» – вполне литературное слово, но прилично ли назвать так человека [34, с. 459–460]? Судебная практика свидетельствует о том, что нет.

Следует отметить, что в лингвистической науке некоторыми авторитетными учеными-экспертами высказывается мнение о том, что юридическое понимание неприличной языковой формы достаточно однозначно: это негативная характеристика лица с использованием непристойных, т.е. нецензурных слов и выражений [35, с. 395]. Однако мы полагаем, что данная точка зрения не является верной, так как законодатель целенаправленно в одном и том же нормативном правовом акте (КоАП) при конструировании норм об ответственности за мелкое хулиганство и оскорбление использовал два различных термина – «нецензурная брань» и «неприличная форма». Верховный Суд Российской Федерации выразил мнение, что по смыслу закона неприличной следует считать откровенно циничную, резко противоречащую принятой в обществе норме общения между людьми форму унижительного обращения с человеком [36].

Преодоление отношения к бранной лексике только как к лексике нецензурной находит отражение в судебной практике Российской Федерации. Так, судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда определением от 30.08.2007 отменила приговор, направив дело на новое судебное рассмотрение, и указала, что выводы суда об оправдании Б. в совершении оскорбления являются преждевременными, поскольку под неприличной формой понимаются не только нецензурные слова, но и иные слова, противоречащие установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали, унижающие честь и достоинство личности [37, с. 390].

Такая позиция приемлема и для Республики Беларусь. В правоприменительной практике нашей страны «неприличная форма» не сводится только к «нецензурной», что, безусловно, способствует защите граждан от посягательств на честь и достоинство.

Субъективная сторона состава мелкого хулиганства характеризуется наличием хулиганского мотива, в то время как мотивы оскорбительных высказываний или действий обусловлены личными неприязненными отношениями [38, с. 92–93]. Также следует иметь в виду, что в соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 4.3 КоАП субъектом правонарушения, предусмотренного ст. 17.1 КоАП, может быть физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста; за совершение деяния, предусмотренного ст. 9.3 КоАП, ответственность наступает с 16 лет (ч. 1 ст. 4.3 КоАП).

Заключение

Общим критерием разграничения исследуемых противоправных деяний является субъективная сторона. Мелкому хулиганству присущ хулиганский мотив, вызов обществу, а правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 9.1, ст. 9.3 КоАП, чаще всего совершаются на почве личных неприязненных отношений к конкретному потерпевшему.

Правонарушения, предусмотренные ст. 17.1 и ч. 2 ст. 9.1 КоАП, отличаются:

1. По объекту (первое посягает на общественный порядок, второе – на здоровье конкретного человека).

2. По объективной стороне:

2.1. первое не может быть сопряжено с применением насилия или угрозой его применения, иначе речь будет идти об уголовно наказуемом хулиганстве; второе, наоборот, в обязательном порядке связано с применением насилия, причиняющего потерпевшему боль и (или) страдание;

2.2. первое в подавляющем большинстве случаев совершается в общественных местах; второе, как правило, в частных домовладениях, однако для квалификации последнего место совершения значения не имеет;

2.3. потерпевшими от первого чаще всего являются случайные люди: хулигану безразлично, в отношении кого совершать противоправные действия; потерпевшим от второго может быть только близкий родственник либо член семьи.

Правонарушения, предусмотренные ст. 17.1 и ст. 9.3 КоАП, отличаются:

1. По объекту (первое посягает на общественный порядок, второе – умаляет честь и достоинство конкретного человека).

2. По объективной стороне:

2.1. высказанная в общественном месте нецензурная брань без адресации конкретному лицу образует мелкое хулиганство; адресованное конкретному лицу в общественном месте нецензурное высказывание, унижающее честь и достоинство, является оскорблением;

2.2. оскорбительное приставание к гражданам, не связанное с прямым унижением их человеческого достоинства в неприличной форме, образует состав мелкого хулиганства;

2.3. первое в подавляющем большинстве случаев совершается в общественных местах; для квалификации второго место совершения значения не имеет;

2.4. признаком первого является нецензурная брань, второго – унижение чести и достоинства в неприличной форме, включающее помимо нецензурной брани другие слова и действия, противоречащие установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федчук, И. Л. Административно-правовое противодействие правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений / И. Л. Федчук ; под ред. А. А. Постниковой. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – 127 с.

2. Гаврильченко, Л. К. Криминологические проблемы борьбы с мелким хулиганством : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Л. К. Гаврильченко ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1974. – 28 с.

3. Ключниченко, А. П. Административно-правовая борьба с мелким хулиганством и злостным пьянством: из опыта работы органов милиции Украинской ССР / А. П. Ключниченко. – Киев : Ред.-изд. отдел при МООН УССР, 1967. – 151 с.

4. Административное право. Особенная часть : учеб. пособие / А. Н. Крамник [и др.] ; под ред. А. Н. Крамника. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – Ч. 2 : Административно-деликтное право. – 394 с.

5. Красилов, Ю. А. Борьба с хулиганством / Ю. А. Красилов, В. В. Труфанов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1966. – 48 с.

6. Курс советского уголовного права : в 6 т. / А. Н. Игнатов [и др.] ; под общ. ред. А. А. Пионтковского. – М. : Наука, 1971. – Т. 6. – 560 с.

7. Яценко, С. С. Ответственность за преступления против общественного порядка / С. С. Яценко. – Киев : Вища школа, 1976. – 190 с.
8. Еропкин, М. И. К вопросу о характере противоправных действий, влекущих ответственность по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» / М. И. Еропкин, А. П. Ключниченко // Проблемы борьбы с преступлениями против личности и общественного порядка : сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и мер предупреждения преступности. – М., 1977. – С. 95–101.
9. Постановление Председателя Верховного суда Республики Беларусь 13 февр. 1998 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
10. Дело об административном правонарушении № 17022140005 // Архив суда Лунинецкого района за 2017 г.
11. Бильдейко, А. А. Объект мелкого хулиганства: проблемы дефиниции / А. А. Бильдейко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2016. – № 2. – С. 116–122.
12. Горскина, О. Г. Административная ответственность за мелкое хулиганство : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / О. Г. Горскина. – Омск, 2011. – 175 л.
13. Труфанов, М. Е. Проблемы правового толкования оскорбительного приставания к гражданам в составе мелкого хулиганства / М. Е. Труфанов // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 262–265.
14. Шарапов, Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р. Д. Шарапов. – СПб., 1999. – 239 л.
15. Вениаминов, В. Г. Уголовная ответственность за побои и истязание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Г. Вениаминов ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2005. – 30 с.
16. Меньшикова, А. Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Г. Меньшикова ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2015. – 26 с.
17. Сабитов, Р. А. Учение о последствиях преступлений / Р. А. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 527 с.
18. Каразей, О. Г. Правовые и организационные основы работы с лицами, совершающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, а также пострадавшими от насилия в семье / О. Г. Каразей. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 125 с.
19. Сухов, П. В. Проблемные вопросы административной ответственности за семейное насилие (ч. 2 ст. 9.1 Кодекса Респ. Беларусь об административных правонарушениях) [Электронный ресурс] / П. В. Сухов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
20. Шарапов, Р. Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Р. Д. Шарапов. – Екатеринбург, 2006. – 418 л.
21. Даньшин, И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка / И. Н. Даньшин. – М. : Юрид. лит., 1973. – 200 с.
22. Волков, Б. С. Мотивы преступлений : уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.
23. Борисов, С. В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Борисов. – М., 2005. – 234 с.
24. Неклюдов, Н. А. Руководство къ особенной части русскаго уголовного права / Н. А. Неклюдов. – СПб. : Тип. П. П. Меркульева, 1876. – Т. 1 : Преступления и проступки противу личности. – 543 с.

25. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / Т. Б. Басова [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 703 с.
26. Дедков, Л. Л. Административная ответственность за хулиганство (по материалам Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. Л. Дедков ; Ин-т государства и права АН СССР. – М., 1969. – 25 с.
27. Гришанин, П. Мелкое хулиганство и его отличие от уголовно наказуемого хулиганства / П. Гришанин, Т. Хабибулин // Советская юстиция. – 1968. – № 10. – С. 14–15.
28. Сидорова, И. В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. В. Сидорова. – Омск, 2010. – 216 л.
29. Энциклопедия уголовного права / Н. Э. Мартыненко [и др.] ; отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2010. – Т. 14 : Преступления против свободы, чести и достоинства личности. – 630 с.
30. Аратова, А. А. Административная ответственность за оскорбление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. А. Аратова. – М., 2013. – 124 л.
31. Колпакова, Ш. Нецензурная брань в общественных местах / Ш. Колпакова, И. Максимов, М. Рамалданов // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 53–55.
32. Постановление Прилузского районного суда Республики Коми 12 марта 2013 г., № 12-6/2013 [Электронный ресурс] // РосПравосудие. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-priluzskij-rajonnyj-sud-respublika-komi-s/act-417247053>. – Дата доступа: 28.02.2017.
33. Бильдейко, А. А. Нецензурная брань как форма мелкого хулиганства [Электронный ресурс] / А. А. Бильдейко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
34. Полный курс уголовного права : в 5 т. / А. С. Горелик [и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. 2 : Преступления против личности. – 682 с.
35. Стернин, И. А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста / И. А. Стернин // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 387–398.
36. Постановление Верховного Суда Российской Федерации по делу № 65-010-1 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=292746. – Дата доступа: 28.02.2017.
37. Чернышова, Т. В. Филологические аспекты русской правовой культуры (на материале речевого акта оскорбления) / Т. В. Чернышова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 389–391.
38. Горскина, О. Г. Мелкое хулиганство как основание административной ответственности / О. Г. Горскина, С. Л. Банщикова. – Омск : Омск. экон. ин-т, 2013. – 111 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.03.2017

Bildeyko A.A. Differentiation of Petty Hooliganism and Administrative Offenses against Health, Honor and Dignity of a Person

The article deals with the problem of differentiation of petty hooliganism and administrative offenses, encroaching on the health, honor and dignity of a person. The current law enforcement practice is not uniform; mistakes are made in the qualification. Based on the research of scientific literature, materials of judicial practice, the author offers the criteria by which it is necessary to delimit the offenses provided for by Article 17.1 of the Code of the Republic of Belarus on administrative offenses, from violent acts committed against a close relative or family member, as well as insults. Differences are conducted on the object, the objective and subjective sides of the offense. The application of the proposed recommendations by practitioners will contribute to the proper qualification of the actions of offenders, the protection of the legitimate rights and interests of the victims.